

УДК 81'42
ББК 81.055.1

НАРРАТИВИЗАЦИЯ ТЕКСТА КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ЧЕРТА СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ

Акулиничев Александр Сергеевич

Аспирант кафедры литературы и журналистики
Волгоградского государственного университета
a.s.akulinichev@gmail.com, stilvolsu@mail.ru
Проспект Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье установлены тенденции, свидетельствующие о трансформации текстов интеллектуальных изданий из публицистических в литературно-художественные: снижение роли (или отсутствие) информационного повода и нарративизация текста. Охарактеризованы типы нарративов, реализованные в текстах журнала и интернет-портала «Русская жизнь», – частный, гиперреалистический и калькирование. Выявлены особенности целевой аудитории интеллектуальных изданий.

Ключевые слова: тип издания, русский интеллектуальный журнал, нарратив, восприятие текста, эссе.

Современные русские интеллектуальные издания, к которым мы относим ряд журналов и интернет-порталов, появившихся и получивших развитие (а иногда и успевших закрыться) в 2007–2013 гг., имеют несколько особенностей, отличающих их от других отечественных СМИ. Одна из ключевых таких черт – преобладание жанра эссе. Отчетливее всего она проявляется в журнале «Русская жизнь».

В апреле 2007 – июне 2009 г. журнал выходил в печатном виде, в октябре 2012 – марте 2013 г. – как интернет-портал. Мы считаем возможным рассматривать обе его версии как единое целое, поскольку, во-первых, основной состав онлайн-редакции не изменился по сравнению с редакцией печатной версии журнала: главным редактором остался Дмитрий Ольшанский, шеф-редактором – Александр Тимофеевский (именно они являются идейными вдохновителями и создателями концепции «Русской жизни»). Во-вторых, Дмитрий Ольшанский и Александр Тимофеевский называли интернет-версию «Русской жизни» продолжением одноименного печатно-

го издания. В-третьих, состав авторов печатной и онлайн-версий претерпел минимум изменений. В-четвертых, жанровая модель издания, которую мы рассматриваем как один из основополагающих критериев типологизации СМИ, также сохранилась.

Ключевой чертой жанровой модели «Русской жизни» является преобладание художественно-публицистических жанров, прежде всего эссе. Контент-анализ всех номеров «бумажного» журнала и всех публикаций в онлайн-версии выявил, что около 55 % материалов, опубликованных в «Русской жизни», – это эссе. Причем значительная их часть (более трети) представляет собой тексты, формально и содержательно отходящие от публицистики в сторону художественной литературы. Можно выделить две тенденции, позволяющие нам прийти к такому выводу.

Первая тенденция – *снижение роли (или отсутствие) информационного повода и в целом документальной основы текста*. Согласно результатам проведенного нами контент-анализа, 63 % текстов «Русской жизни» не имели информационного повода и не явля-

лись реакцией на текущие события. Например, эссе Аркадия Ипполитова «Служка» (Русская жизнь. 2012. Нояб.) приурочено к столетию новеллы Томаса Манна «Смерть в Венеции». Однако данный информационный повод, заявленный в подзаголовке, – единственное, что связывает текст с журналистикой, в остальном этот текст, по сути, принадлежит художественной литературе.

Такие примеры не единичны. Цикл статей Дмитрия Быкова «Сто лет русской литературы», где каждый текст посвящался тому или иному писателю, отметившемуся изданием своего произведения в определенный год XX в., не был связан с каким-либо юбилеем или круглыми датами. Не соприкасались с актуальными событиями эссе в разделе «Все, все, все», где многие авторы публиковались единожды. Аналогично можно охарактеризовать и большинство текстов, вышедших в разделе «Весь мир», но здесь прослеживается достаточно четкое распределение тем по авторам: епископ Григорий (Лурье) наполнял очерками рубрику «Жития», Олег Кашин публиковал интервью с мэрами малых городов России и вел авторскую подрубрику «Соборьяне» (о современном духовенстве), Александр Храмчихин выступал со статьями по истории российского военного дела. Таким образом, информационным поводом выступал сам факт выхода материала того или иного публициста. Авторский стиль и связанная с автором тема, раскрытая в определенном жанре, в «Русской жизни» оказывались важнее информационного повода.

Для многих публикаций в рассматриваемом издании информационный повод замечали так называемые «сюжеты» – сквозные темы, в рамках которых в течение месяца или чуть большего периода высказывались различные авторы. Технически они были реализованы как теги. Первый такой сюжет-тег назывался «Загробная жизнь», второй – «Юность», третий – «Застолье», четвертый – «Зависть» (октябрь 2012 – март 2013 г.). Под такими маркерами выходили тексты самых разных жанров и авторов, отражающие разнообразные подходы к раскрытию заявленной темы.

Вторая тенденция, свидетельствующая о тяготении публикаций в «Русской жизни» к

художественной литературе, – *нарративизация публицистического текста*. Прежде всего это явление можно заметить в рамках раздела, представляющего собой «визитную карточку» издания: в печатной версии он носил название «Насушное», в онлайн-версии – «Весь день». Раздел «Насушное» состоял из трех рубрик: «Драмы», «Лирика» и «Анекдоты», в которых события за две недели комментировались тем или иным автором. Можно обратить внимание на то, что подобный раздел есть в журнале «The New Yorker» (с которым «Русскую жизнь» сравнивали аналитики медиа [6]) и носит название «The Talk of the Town», но если в американском издании он содержит преимущественно аналитические материалы, то в отечественном – художественно-публицистические.

В онлайн-версии «Русской жизни» раздел был модернизирован и переименован в «Весь день». Прежде тексты писали три автора (Олег Кашин, Евгения Долгинова и Дмитрий Данилов), теперь же каждый день назначается «дежурный», который и размещает на сайте семь небольших комментариев или эссе в течение суток. Такая трансформация связана с необходимостью ежедневного пополнения сайта (иначе трудно обеспечить высокую посещаемость); в печатной версии, выходящей дважды в месяц, не было потребности в столь большом количестве материалов, поэтому с ведением раздела справлялось ограниченное число авторов.

Увеличение количества авторов в разделе «Весь день» повысило и разнообразие художественных приемов, используемых при комментировании событий. Самым частотным приемом стала нарративизация фактов действительности: примеры ее использования можно встретить в материалах Ивана Давыдова, Константина Крылова, Сергея Шаргунова, Дмитрия Данилова, Захара Прилепина, Евгении Долгиновой и других авторов, отметившихся «дежурствами» в разделе «Весь день».

Нам представляется, что нарративизация фактов действительности – одна из наиболее значимых черт современных русских интеллектуальных изданий, то сущностное начало, которое отличает тексты, публикуемые в СМИ этого типа, от текстов, харак-

терных для других изданий. Очевидно, что нарративизация в целом не является свойством исключительно русских интеллектуальных журналов: образцы нарративизации фактов действительности обнаруживаются в самых разных современных СМИ – от научно-популярных журналов («GEO», «Вокруг света», «National Geographic» и др.) до глянцевого издания и «желтой» прессы. Так, в отечественной медиалогической традиции не раз звучала мысль о пандискурсивной природе печатного издания: «Естественным и “формальным” носителем нарративных конструкций выступает художественный дискурс, о беспримерной роли которого (и об искусстве как о главной “прелести культуры” вообще) в кристаллизации социальной мифологии было сказано достаточно много» [5, с. 118]. Различия заключаются в типе используемого нарратива.

Для русских интеллектуальных изданий 2007–2013 гг. наиболее характерны три типа нарратива, которые мы назовем «частным нарративом», «калькированием» и «гиперреалистическим нарративом». Ниже мы подробно разберем каждый из них на примере публикаций в онлайн-овой «Русской жизни» 2012–2013 гг., но прежде остановимся на трактовке термина «нарратив».

В науке существует множество подходов к определению данного термина, однако есть нечто принципиально общее, объединяющее представителей семиотики (Р. Барт, Х. Уайт), деконструктивизма (Ж. Деррида), психоанализа (Ж. Лакан), теорий читательского восприятия (В. Айзер), политического нарратива (Е.И. Шейгал) и других научных течений, касавшихся рассмотрения нарративов. И.В. Троцук выявила, что неизменными при определении термина остаются такие элементы, как «история / фабула (основание нарратива, позволяющее отличать нарративные тексты от ненарративных) + сюжет (текст / дискурс + наррация)» [8, с. 59].

Согласно Е.С. Калмыковой и Э. Мергенталеру, повествование считается нарративным, если оно «отчетливо и конкретно указывает на место и время действия и наличие действующих лиц» [4, с. 98]. Для нарративного повествования в СМИ эта черта имеет особую актуальность.

А.В. Борисенкова отмечает, что нарратив подчиняется «идее финала», на чем мы также считаем необходимым акцентировать внимание [1, с. 333]. Финал может быть как логическим завершением истории, так и принципиальным ее «не-завершением» (открытый финал).

Нарративное повествование часто представляет собой воспроизведение каких-либо известных сюжетов (взятых из мифологии, религии, классической литературы, кинематографа), своего рода наложение культурной матрицы на новые реалии. Однако даже если этого наложения не происходит, подобный текст строится по законам художественного произведения или мифа: в случае, когда прямой кальки с известного сюжета нет, нарративизированный текст выступает как потенциально художественный и воспроизводит те или иные композиционные элементы литературного, кинематографического или какого-либо другого произведения. Нарративизированный текст есть симуляция художественного произведения: он не перестает функционировать как нарратив, даже если за ним, как «копией», не стоит никакого «оригинала».

Следовательно, под нарративом мы будем понимать такую форму осмысления действительности и организации знаний, для которой характерно указание на место и время действия (либо они могут быть поняты контекстуально), наличие повествователя, действующих лиц, фабулы, сюжета и финала. Нарратив переносит сюжеты и другие элементы из уже существующих текстов на новые реалии либо симулирует художественное произведение.

Наиболее распространенный тип нарратива в «Русской жизни» – «частный нарратив». Подобные тексты встречаются в рамках раздела «Весь день», который по задумке редакции должен содержать комментарии авторов к текущим актуальным событиям, происходящим в обществе. «Частные нарративы» напрямую не затрагивают никаких новостей и, на первый взгляд, ничего не комментируют: они представляют собой небольшую историю, случившуюся с автором или его знакомым. Как правило, это какая-либо сугубо бытовая ситуация («случай из жизни»), но в рамках раздела комментариев он выступает

как иллюстрация к тому или иному явлению, характерному для современной России. Рассказанная дежурным автором «частная» история оказывается не столько типичной (в духе реалистической литературы), сколько релевантной для нашего времени. Одна житейская история преподносится как следствие всех процессов, происходящих в стране: политических, экономических, культурных и др.

Таково, например, эссе Сергея Шаргунова «Трудница» (Русская жизнь. 2013. 30 янв.). История знакомой автору женщины, долгие годы прожившей трудницей при монастыре, подается как отражение общих негативных процессов в одной из сфер жизни общества – духовной, влияющих на церковные институты и на людей, с ними связанных:

У нас в квартире женщина останавливается – вот это точно паломница. Жить ей негде. <...> Пристроилась к монастырю мужскому. Пасеку им устроила, мед пошел. Постриг приняла. Из-за меда и случилась у них история. Говорят: «Весь мед отдавай, весь!» – а она: «Весь нельзя, пчелам тоже надо оставить медку, так положено, от этого их следующий мед слаще будет». Рассердились на нее и выгнали с пасеки. Говорят: «Иди работай в поле!» Она: «Плохо мне, щитовидка большая, на солнцепеке помру». Ворвались к ней монахи, стали ногами топтать, что-то на нее нашло, и она одному дала пощечину. Тогда приказали ей выметаться из монастыря.

Иногда «частный нарратив» лишь вплетается в жанр комментария, как, например, в тексте Константина Крылова «Об информационной анестезии» (Русская жизнь. 2013. 24 янв.). Едкий комментарий к новости о том, что немецкие ученые доказали, будто просмотр чужих страниц в фейсбуке может вызвать депрессию, автор разбавляет короткими нарративными вкраплениями – несуществующими записями в фейсбуке, которые некая женщина могла бы оставить, не вызывая у своих друзей депрессию:

В Лондоне очень холодно и зябко. Сегодня шел снег. Я совсем разболелась – и кашель, и горло, и узлы. Завтра хазбенд ведет меня к врачу.

Купила сегодня специальную сковородку для блинов. Успела жутко обжечь о нее палец – хватанула за ручку без прихватки.

Вчера и сегодня в Лондоне отвратительная погода. Стоит ли говорить, что я, почти как всегда, в свой День рождения приболела?!

Подчеркнем, что в первом случае (эссе Сергея Шаргунова) персонажи позиционируются как реальные, а во втором (комментарий Константина Крылова) – являются очевидно вымышленными, однако ни этот факт, ни объем нарративных элементов не влияет на эффективность приема нарративизации в целом.

В подобных эссе он выполняет двойную функцию: с одной стороны, позволяет автору создать эффект остранения, объективировать сказанное, с другой – настраивает читателя на восприятие рассказанной истории как типичной, поскольку читатель в состоянии мысленно дополнить прочитанное аналогичными случаями. Можно также высказать небесспорное утверждение о том, что тексты, отражающие такую форму осмысления действительности, вызывают у читателя больший интерес.

Второй тип нарратива – «калькирование», или перенос известного сюжета на современные реалии. В наиболее ярких своих образцах подобные тексты являются абсолютно вневременными, лишь некоторые детали и слова позволяют увидеть в них действительность XXI в., а не более раннюю, лишь ссылка на достоверный источник дает возможность отличить описанное от литературного или кинематографического сюжета.

Пример такого нарратива – текст Сергея Шаргунова «Вечный звон» (Русская жизнь. 2013. 30 янв.). В нем автор цитирует письмо своего друга Леонида Развозжаева, которое тот отправил из тюрьмы:

«Здравствуй, дорогой брат! Пишу тебе со своей малой родины. Вот уж не думал, не гадал, что окажусь тут таким образом. Подняли в три в Лефортово без предупреждения и сказали, чтобы я за 40 минут собрался на этап в Иркутск. Я сперва даже подумал, что это какой-то розыгрыш. Трое суток ехал в холодном вагоне арестантского типа „Столыпин“. Очень промерз и нахватался новых болячек, да и перед поездом сотрудники СИЗО вручили мне новые письма, направленные на психологическое давление. <...> Все это пишу на тот случай, если со мной что-то случится... Я полон решимости отстаивать правду до конца и буду держаться, пока дышу. Ты знаешь, я тут такого насмотрелся, что хватит не на один роман. <...>»

Читаю и перечитываю. Мой друг... Какая это эпоха? Чей режим? Если убрать несколько

современных деталей, поймет ли сторонний, ни о чем не знающий читатель, из какой России написано письмо – XVIII, XIX, XX века?

Сибирь... Вечный звон кандалный.

В подобном нарративе принципиально снижается количество указаний на эпоху, с целью подчеркнуть параллель с неким хрестоматийным сюжетом меняется авторский стиль.

Третий тип нарратива, активно использовавшийся авторами «Русской жизни» в 2012–2013 гг., мы называем «гиперреалистическим нарративом». Ж. Бодрийяр понимал под гиперреальностью феномен симуляции действительности, при котором сознание неспособно отличить реальность от фантазии [3, с. 107–108]. Соответственно, «гиперреалистический нарратив» есть нарративизация фактов с их намеренным искажением, причем искажение это моделирует некую альтернативную действительность, напоминающую нашу. Оно может иметь гиперболизирующий или гротескный характер, может представлять собой литоту, а может – абсурд.

Примером гиперреалистического нарратива служат публикации Константина Крылова в «Русской жизни» от 7 февраля 2013 г.: все семь материалов, вышедших под рубрикой «Весь день», связаны друг с другом, поскольку они моделируют одну и ту же гиперреальность. Автор умышленно искажает новость и придумывает возможную реакцию общественности на это событие, лишь в конце текста приводя первоначальный факт в правильном варианте:

Новосибирский суд приговорил к 120 часам обязательных работ художника Артема Лоскутова, обвиняемого в оскорблении чувств верующих. Напомним, Артем Лоскутов занимался изготовлением и продажей футболок с изображениями участниц скандально известной группы Pussy Riot. <...>

Р. С. Слава Богу, это шутка. <...> Артема Лоскутова суд оправдал. Трудно поверить, но российский суд может вынести оправдательный приговор!

А к 120 часам обязательных работ приговорили меня, за фразу «Пора кончать с этой странной экономической моделью», сказанную на митинге, посвященном бюджетным отношениям федерального центра и кавказских республик.

Согласитесь – это совсем иная тема.

Используя данный прием, автор стирает границы между возможным и невозможным в современной России. «Поддельная» реальность выглядит в текстах Константина Крылова не менее убедительной, чем реальность «подлинная». Применяя «гиперреалистическую нарративизацию», автор превращает жанр комментария в сатирический текст, напоминающий небольшой фельетон.

Прием нарративизации – это всегда игра с текстом, игра с читательским восприятием, что, на наш взгляд, вполне соответствует запросам целевой аудитории современных русских интеллектуальных изданий. Подобные СМИ ориентируются на читателя, которого мы, вслед за Э. Тоффлером [7, с. 54–69] и Э. Геллнером [2, с. 115–128], называем «модульным человеком». Говоря о мышлении, присущем «модульному человеку», исследователи отмечают такие его черты, как играизация и контекстуальность, доходящая до релятивизма. «Модульный человек», по Геллнеру, лишен жизненной стратегии, но склонен выбирать наиболее выгодные и удобные для себя жизненные тактики в зависимости от внешних обстоятельств, «встраиваясь» в те или иные социальные институты, в политические, социальные и культурные тенденции [там же, с. 122].

Склонность выбирать жизненные тактики в рамках «большого сюжета» жизни – это не что иное, как нарративное восприятие действительности, поскольку каждая «жизненная тактика» и представляет собой некоторый набор действий, которые можно совершить в той или иной ситуации, причем аналогичные ситуации уже имели место прежде и находили отражение в культуре. Популярность приема нарративизации фактов действительности и текста в современных русских интеллектуальных изданиях является, таким образом, следствием ориентации на «модульного человека» как ядро целевой аудитории. Более того, сами авторы текстов «Русской жизни» и других интеллектуальных изданий являются носителями того же типа сознания, что и их читатели, и это делает выбор того или иного приема обоснованным вдвойне.

Таким образом, в современных условиях между читателем и автором русского интеллектуального журнала стирается граница, текст пишется не в расчете на некоего «ино-

го» реципиента, которому нужно что-то разъяснить или дать понять, – автор создает текст, исходя из того, что, прежде всего, он сам может его понять. Все авторы подобных изданий входят в целевую аудиторию и неотделимы от нее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисенкова, А. В. Нарративный поворот и его проблемы / А. В. Борисенкова // Новое литературное обозрение. – 2010. – № 3 (103). – С. 327–333.

2. Геллнер, Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники : пер. с англ. / Э. Геллнер. – М. : Моск. шк. полит. исслед., 2004. – 240 с.

3. Звездина, А. А. Гиперреальность Ж. Бодрийяра и глобальный кризис / А. А. Звездина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2011. – № 1. – С. 107–109.

4. Калмыкова, Е. С. Нарратив в психотерапии: рассказ пациентов о личной истории (часть I) / Е. С. Калмыкова, Э. Мергенталер // Психологический журнал. – 1998. – Т. 19, № 5. – С. 97–103.

5. Млечко, А. В. От текста к тексту. Символы и мифы «Современных записок» (1920–1940) / А. В. Млечко. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2008. – 574 с.

6. Морев, Г. «Русская жизнь» – это такой высокохудожественный писк // Openspace.Ru. – Электрон. текстовые дан. – 2008. – 15 мая. – Режим доступа: <http://www.openspace.ru/media/paper/details/263/>. – Загл. с экрана.

7. Тоффлер, Э. Шок будущего : пер. с англ. / Э. Тоффлер. – М. : АСТ. – 2008. – 560 с.

8. Троцук, И. В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках / И. В. Троцук // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Социология». – 2004. – № 6/7. – С. 56–74.

ИСТОЧНИКИ

Русская жизнь / ред. Д. Ольшанский. – Электрон. текстовые дан. – 2007–2009. – Режим доступа: <http://www.rulife.ru/old/index.php?mode=arhiv>, свободный. – Загл. с экрана. – Арх. вып. журн.

Официальное сообщество портала «Русская жизнь». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://vk.com/russkayazhizn>, свободный. – Загл. с экрана. – Содерж.: Русская жизнь / ред. Д. Ольшанский. – М., 2012–2013.

TEXT NARRATIVIZATION AS A PECULIARITY OF CONTEMPORARY RUSSIAN INTELLECTUAL MAGAZINES

Akulnichev Aleksandr Sergeevich

Postgraduate Student, Department of Literature and Journalism,
Volograd State University
a.s.akulnichev@gmail.com, stilvolsu@mail.ru
Prospect Universitetsky, 100, 400062 Volograd, Russian Federation

Abstract. This article is devoted to the main tendencies of transmission of texts published in intellectual magazines from publicistic to fiction: the reduction of the role (or the lack) of newsbreak and the narrativization of text. Types of narratives embodied in publications on the *Russkaya zhizn'* website are also described: individual, hyperrealistic and calquing. Some peculiarities of intellectual magazines' target audience are revealed.

Key words: edition type, Russian intellectual magazine, narrative, text perception, essay.